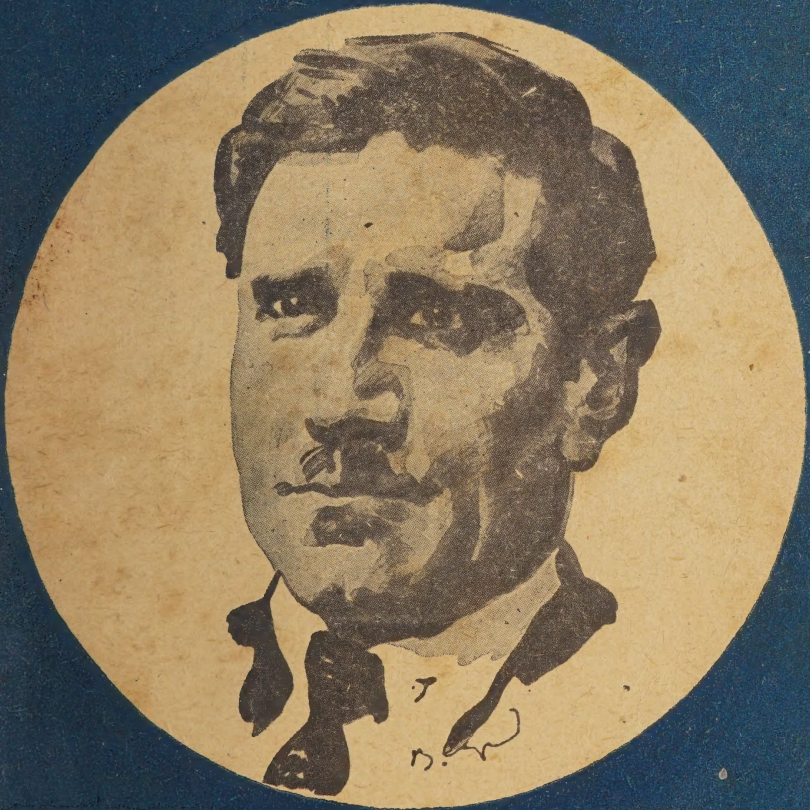
PG3948
.K522
L65
1927

ЦЕНА 10

АНТОША КО

ЛОПАНСКИЕ РАКИ



БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА

№ БЕГЕМОТ 64

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00010304057

PG3948
.K522
L65
1927

АНТОША КО

ЛОПАНСКИЕ РАКИ

Перевод с украинского ЛИДИИ ЛЕСНОЙ

На обложке портрет автора работы В. СВАРОГА

LOPANSKIE RAKI

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

ВЕСЕЛАЯ БИБЛИОТЕКА
„БЕГЕМОТА"
Изд-во „Красная Газета"
Ленинград — 1927

(№ 31 — 1917 г.)

ТИПОГРАФИЯ
КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ
ИМЕНИ ВОЛОДАРСКОГО
ЛЕНИНГРАД
Фонтанка 57

Ленинградский Гублит № 40155. Тираж 25.000 экз.
Заказ № 621.

ОТ РЕДАКЦИИ

Антоша Ко (псевдоним) — современный украинский писатель-юморист, член союза селянских писателей «Плуг».

Рассказы Антоши Ко печатаются в различных украинских журналах, а в последнее время кооперативное издательское об-во писателей «Плужанин» издало несколько его книжек: «Лопанськи раки», «Радио-инвалиди», «Главбухова борода», «Свиняче сальда» и др.

ЛОПАНСКИЕ РАКИ

Зовет меня к себе в кабинет наш зав. Имя его Иван Иваныч Рак.

— Зачем же это вы, товарищ Дужка, на 24-й странице приходо-расходной книги сделали кляксу? — кричит зав. — Или режим экономии вас не касается?

— Кляксу, — отвечаю, — я сделал потому, что чернила никудышные. А что до режима экономии, так мне казалось бы не следует по такому пустяковому поводу отрывать человека от работы.

— Это, — говорит, — мое дело. А вы больше не смейте кляксы ставить. Это вам не эпоха военного коммунизма, когда вы на стене грязным пальцем баланс выводили.

Меня задело, как говорят старожилы, за живое.

— Что это, — думаю, — чтобы всякий Рак тебе военным коммунизмом глаза колол?

— Ваши слова, говорю, про кляксы я приму к сведению, только чернил купите хороших. А что касается военного коммунизма, то, говорю, чья бы мычала, а чья бы молчала. Что я делал во время военного коммунизма, у меня в личной карточке написано. А написано ли что-нибудь в вашей карточке, это еще вопрос.

Зав как полотно побелел:

— Вы, говорит, чорт знает чего здесь не болтайте. Это вам не 19-й год!

— А вы, — говорю ему, — тише на поворотах. Это вам не царизм!

Здорово поругались. На все учреждение слышно было.

— Ну, думаю, я тебя проучу, я тебя вычищу по профлинии. Ты один, а мы — коллектив. Дай только почву подготовить.

Подхожу к бухгалтеру.

— Слышали, как Рак поступает? Просто хоть удирай из УССР, чтоб ракам вольготней жилось. Я думаю, товарищ бухгалтер, что нашему Раку надо клешни подрезать.

А он мне:

— Успокойтесь, товарищ Дужка! Не принимайте близко к сердцу.

— Нет, — говорю, — извините. Тут дело не в моем сердце, а во всей советской власти. Таким ракам,—говорю,—у нас не место. Вы, очевидно, его еще не знаете...

— Да что вы, товарищ Дужка, как не знаю? Ведь он мой двоюродный брат!

— Брат?

Я и сел. Оказывается, — рак № 2.

— Ну, — говорю, — если так, может быть, я и ошибаюсь.

И подальше от бухгалтерского стола.

— Придется, думаю, за обоих взяться. Людей у нас хватит.

Подхожу к счетоводу Закаблученке. Нагнулся к самому его уху, шепчу:

— Ну, говорю, товарищ Закаблученко, и дела же у нас. До того наш Рак разошелся, что хоть сегодня отказывайся от всех завоеваний Октября и передавай диктатуру в его руки. Надо, говорю, нам организовать свои коллективные силы против него.

А Закаблученко мне, посмеиваясь:

— Да что вы! Дядя Ваня — ангел, а не человек. Это он так...

— Дядя? — спрашиваю.

— Ну да. Иван Иваныч — мой дядя!

— Ага! А я, говорю, не знал. Если так, значит, я действительно... погорячился.

И пошел от счетоводского стола.

— Рак, думаю, № 3. Но я вас всех трех поймаю в сачок. Коллектив наш силен.

Подхожу к регистраторше Сидоренковой. Молоденькая. На щеках ямочки. Беленькими зубками поблескивает. Ничуть на «раков» не

смахивает. Спрашиваю, сколько входящих и исходящих будет в этом году, какие учреждения пишут на русском, какие на украинском языке. Потом на «раков» сворачиваю.

— Трудновато, говорю, у нас работать. Не учреждение, а вонючая Лопань *).

— Да, говорит, действительно, помещение грязноватое. Каждый день приходится блузку менять!

— Нет, говорю, дело не в блузках и не в помещении, а в «раках», которые сюда поналезли. Слышали, как главный «рак» сегодня разъярился?

А она мне:

— Ничего, товарищ Дужка, помиритесь, Иван Иваныч — хороший человек.

— А вы, почем знаете?

— Как почем? Да он мой крестный!

— Вот как! Тогда действительно мы, может быть, и помиримся. Правильно!

Пошел к машинистке.

— Не все же, думаю, «раки».

— Ну, что скажете, товарищ Малеванная, про наших «раков».

А она сразу же:

— Вы про Иван Иваныча? Бросьте, не сердитесь! Это я во всем виновата: поссорились с ним

*) Грязная Харьковская речушка.

утром из-за шелкового платья и... Чего глаза вытаращили?

— Вы, спрашиваю, поссорились с Раком из-за платья?

— Ну да, я, потому что Иван Иваныч — это мой муж!

Я не мог ответить ни слова. Пулей вылетел в коридор. Схватил курьера за плечи и крикнул:

— И ты — «рак»?!

— Нет, говорит, я не Рак, я — Рачий зять.

— А чтоб вы, говорю, все в Лопани подохли.

И — домой.

Больше на службу ни ногой. Разве, что женюсь на какой-нибудь «рачихе».

СОЮЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК

На свете, голубчики мои, есть люди и есть людишки. Один лбом горох лущит, а другой и яйца куриного не разобьет.

Я сам, сказать правду, принадлежу к людишкам. Люди без биржи работу находят, а я — ни с биржей, ни без биржи. Ходил дважды туда— не посылают на работу. А в третий раз наскандалил даже.

— Что же это, говорю, за биржа труда такая? Почему же это вы, товарищи биржа, союзному человеку работы не даете? Я, говорю, член союза, у меня профбилет № 14564.

— Не горячитесь, говорят, товарищ! Вот поднимем промышленность, тогда всем работа будет.

— Это меня не устраивает, говорю.

Слово за слово, так я разошелся, кулаком по столу и... Вывели меня из биржи.

Пришел домой. Нервы так и ходят. С членом союза, с союзным человеком так обращаться!

И решил я, голубчики мои, повеситься. Уже и петлю приладил и на табурет встал. А тут хозяйка.

— Что вы делаете? — не своим голосом.

— Не ваше, говорю, дело. Уйдите из комнаты!

— Я вам не позволю вешаться в моей квартире!

— В квартирном, говорю, законе об этом ничего не сказано. Уходите!

А она:

— Я вам не позволю поганить мою комнату. А еще союзный человек. Как не стыдно!

Я, как ошпаренный, вылетел из петли и к ней:

— Вон из комнаты! Эксплоататорка проклятая! Паразитка!

И не полез больше в петлю. Сел к столу и задумался. Стыдно стало. Даже хозяйка и та смеется. Союзный, мол, человек, а до такой глупости дошел.

— Эх, думаю, гражданин Каблучка! До чего ты дошел. Разве можно члену союза так поступать? Да ведь у тебя в кармане профбилет № 14564. Да у тебя же книжка страхкассы. Люди кровь проливали за советский строй, а ты придумал вешаться на советской территории. Землю советскую позоришь. Стыдно, стыдно, гражданин Каблучка!

Долго я себя отчитывал. Даже нецензурными словами о себе выражался. А потом сказал себе

— Смотри, Каблучка, если ты еще раз подобное затеешь, пойду и заявлю в милицию.

И начал я, голубчики мои, искать выхода. Решил я жениться на человеке с экономической базой. Пусть это будет с моей стороны уступка частному капиталу, но это временно, это передышка.

Есть на базаре колбасница Варвара Иванна. Человек здоровый. Килограммов на 120. Экономическая база у нее — ларек. Бюджет твердый.

Пошел на базар. Сидит Варвара Иванна на двух ящиках, а на третий ноги положила. Пьет из глиняного горшка чай. Раскраснелась, как калина.

— Здрасьте, говорю, Варвара Иванна! Гордость вы, говорю, нашего базара! Хризантема вы Лопанских берегов!

— Здравствуй, отвечает, Гаврюшенька, солнышко союзное!

Варвара Иванна знает, что я — член союза.

— Как ваше, говорю, алмазное здоровьичко? Вижу, кровь у вас играет.

— Играет, говорит, Гаврюшенька, еще как играет! Только впустую играет.

А я тут же с места в карьер:

— А хотите, говорю, Варвара Иванна, чтоб ваша кровь заиграла не впустую? Хотите?

— Эх, Гаврюшенька... Вот тебе крест, чтоб мне с этих ящиков не встать, если я без покойного мужа грешными делами занималась.

Нельзя, Гаврюшенька! Я — человек православный. Закон не велит.

— Ну, а если, говорю, по закону? Что вы на это скажете?

— Ну, по закону — дело другое. Да что это ты пустой болтовней занимаешься? Чего тебе надо? Колбасных обрезков? Говори скорей.

— Оставьте, говорю, Варвара Иванна, колбасные обрезки. Важнее дело есть. Довольно говорю, шифрованных телеграмм. Вы — вдова, а я — холост. Вы — частный капиталист, а я — член союза. Вам—44 года, а мне—22. Давайте поженимся и будете вы моей половиной, а я вашей.

Она даже рот раскрыла.

— Ты серьезно говоришь, Гаврюшенька?

— Как полагается, говорю, союзному человеку.

— А где же ты теперь служишь?

— А я, говорю, поссорился с биржей труда и организую из безработных артель «Наш труд». Там я буду избран председателем.

— Так пойдем же ко мне, поговорим толком.

— Пойдем, говорю.

Закрыла Варвара Иванна ларек. Пошли мы к ней. Сговорились быстро.

— Я на старости лет по Загсам таскаться не желаю! — заявила она.

— А я — союзный человек и в церковь не пойду! — сказал я.

Спорили не долго. Никуда не пошли. Варвара Иванна нагрела воды, выкупала меня в большом корыте, одела меня в диагоналевые штаны покойного мужа.

Так и поженились.

Ох, и житье же, скажу вам, началось для меня!

Утром лежу в перинах, как шах персидский. А рядом: и «краковская», и икра, и яичница, и «посольские». Встану, позавтракаю и опять в перины. Лежу себе и думаю:

— И хорошо же быть частным капиталистом! Зачем это советская власть так наседает на частных капиталистов? Зачем она душит мою Варвару Иванну налогами всякими?

А вечером Варвара Иванна приносит еще и «мерзавчика». Как выпьем, да закусим, так, поверьте, чувствуем, что нам по 17 лет стало. Вот какая жизнь, доложу вам, была!

Но, к сожалению, голубчики мои, ничего вечного нет. Все имеет свое начало и конец. Поостыла моя Варвара Иванна. Вместо «краковской» подает «чайную». Вместо «посольских»— махорку.

— Что вы, говорю, такая стали, будто вам кто-то на ногу наступил?

А она:

— Скажи-ка мне, скоро ли артель-то твоя будет?

— Через неделю—две будет! В этом, говорю, не сомневайтесь. Все равно, как в кармане. Товарищ Скалозубенко из 39 номера поехал по этому делу в Москву.

Повеселела на время. А потом опять:

— Где же твоя артель?

— Пока еще в Москве. Скоро будет.

— Как рак свиснет?

— Да что вы пристали, Варвара Иванна, с артелью? Сказано вам, что товарищ Скалозубенко в Москве. Надо, чтобы в союзном центре разрешили. Союзную печать приложили. Это вам не колбасой торговать.

Она даже побурела вся. Колбаса в руках трясется, на сковородку не попадает.

— Ты, говорит, моей профессии не тронь. Это раз. А второе — не ври. Была я в 39 номере, никакого там Скалозубенки нет. Брехун ты!

— Что? Вы меня ругаете? Меня, союзного человека?

— Хоть ты, говорит, и союзный, а в перинах, как в соломе кабан, не валяйся. Ищи работы. Я тебе, говорит, не страхкасса. Иди на биржу, пусть дадут работу.

— Это, говорю, дело мое. Биржа труда, говорю, не вашего ума дело. Я думал жить с вами по-хорошему, а если так, то плевать я на вас хотел!

— А ты не очень расплевывайся в моей комнате. Скидай диагоналевые штаны и вон, к чорту! Скидай!

— Дудки, говорю, а не штаны... Вы законы советские знаете?

— Не знаю, говорит. Скидай штаны!

— Нет, позвольте. Из квартиры квартиранта на улицу выселять не имеете права. Точно также, говорю, из штанов меня выселить не смеете

А она:

— Босяк, говорит, ты босяк!

— Что? Я? Союзный человек и босяк? Ах ты, торговка несчастная! Боченок ты селедочный!

А она, как размахнется, да как влепит мне леща.

— Вот тебе, говорит, получай!

Так меня искрами и обсыпало. Вылетел я из комнаты на улицу.

— Ну, говорю, проклятая частная капиталистка, мы еще с тобой встретимся!

И пошел я, голубчики мои, прямехонько на биржу труда и сказал:

— Товарищи биржа труда! Беру свои ругательные слова обратно. Дайте мне, говорю, хоть какую-нибудь работишку. Хочу быть настоящим союзным человеком, хочу бороться с частным капиталом.

И биржа дала мне работу.

А Варвара Иванна за диагоналевые штаны подала на меня в суд. Чем кончится—неизвестно.

ТРАГЕДИЯ ПОЭТА КНОПКИ

Пришел ко мне в редакцию мой приятель, пролетарский поэт Кнопка, сел у стола, склонился на руки и заплакал.

— Что с тобой?—спрашиваю.—Что за такой мещанский уклон—плакать? Рифмы у тебя, что ли, не рифмуются? Ничего, будет время — весь мир завоюешь своими стихами!

— Что рифмы! — отвечает он мне и рассказывает свою трагедию:

— Я, говорит он, женат и не женат, а моя жена — замужем и не замужем. Три года я ищу в Харькове комнату, а она, бедняжка, три года живет на расстоянии 200 верст от Харькова. Пишет письма. Сначала хорошие были письма, ласковые. А теперь на официальный тон перешла «Вы, — пишет, — пролетарский поэт, а поступаете со мной, как бандит. Выведу вас на чистую воду. Ваша Люба».

«Дорогая кнопочка, — отвечаю я ей, — потерпи еще месяц — другой. Дома в Харькове

строятся каждый год. Госиздат обещает аккуратно платить. Литдискуссионное небо проясняется. Писатели организовали местком. Потерпи, умоляю тебя, Кнопочка! Твой Матюша».

Пошлю письмо, а сам — комнату искать. Стучу кулаком в дверь. Выкатывается хозяйка.

— Что вам угодно, гражданин?

— Комнату.

— Женатый? Член союза? Чем занимаетесь?

— Женатый, союзный, пишу стихи.

— Сдана уже комната!

И дверь захлопывается.

А от Любочки новое письмо: «Деньги на дорогу одолжила. Через три дня буду в Харькове Довольно издеваться. Это вам не царизм. Ваша Люба».

Что тут делать?! Закатит мне скандал во всеукраинском масштабе, карьеру испортит. Пошел я в редакцию. «Товарищи редакция,—говорю,— или гоните мне 15 рублей авансом, или готовьте некролог». Дали. На 30 копеек я побрился, на 40 подстригся, на 30 наодеколонился (да простит пролетариат Украины за этот уклон). и пошел искать комнату. Прихожу, звоню. Выходит хозяйка, тетя лет под 40, на носу — пудра.

— Что вам угодно, молодой человек?

— Комнату.

— Вы семейный? Союзный? Где служите?

— Нет, говорю, и не семейный и не собираюсь им быть. Готов скорее три фунта соли

в день съедать, чем у себя в квартире жену держать. В союз вступать не думаю. А служу главным бухгалтером в Тумботресте. Получаю. 300 основных, 200 нагрузки и 100 дополнительных.

— Пожалуйте, — говорит хозяйка, — комнатка хорошая, 50 рублей в месяц. Немножко уступлю.

Уступила за 20 рублей, вода пополам, свет пополам. Дал я 10 рублей задатку, прописался и стал жить.

И приехала моя Любочка. Приехала она, когда меня не было дома. И прямо с вещами в мою комнату.

— Вам кого? — спрашивает хозяйка.

— Мне в комнату моего мужа.

— Какого мужа?

— Пролетарского поэта Кнопки.

— Извините, гражданка, вы ошиблись. Гражданин Кнопка не поэт, а бухгалтер и человек холостой. Я хорошо это знаю.

— Я, мадам, знаю лучше чем вы!

И хочет идти. А та ее за руку.

— Убирайтесь! Я не позволю, чтобы сюда всякие шлюхи лазили!

— Что? Как вы смеете? Мещанка!

А та ее за косы и в дверь. А эта ту за косы и об пол. Тут я вхожу и слышу, как слетают с женских уст такие памфлеты...

— Любочка, золото мое!!

— Матюша!!

Обнимаемся, целуемся.

А хозяйка:

— Так вот вы как, гражданин Кнопка, людей обманываете! Кто клялся, что холостой? Кто говорил: лучше три фунта соли в день съедать, чем жену в своей комнате держать? Стыдно так делать, гражданин Кнопка, стыдно!

Как услышала это моя Любочка,, так сразу бряк на пол.

— Поезд, — кричит,—сейчас на поезд! Еду! Подавайте мне поезд!

Я к ней. Стал на колени. Умоляю, объясняю.

— Любочка! Стотысячная моя Кнопочка! Перспективы у меня прекрасные. Это недоразумение. Выслушай!

А она:

— Не желаю слушать. Не хочу. Я знала. Три года меня дурачил! Поезд!!!

Поезда я ей подать не мог, но извозчика позвать пришлось. Уехала. Теперь из комнаты меня выставили. Редакция требует аванс обратно, а Любочка вызывает меня в Сорокопудовский Загс для развода.

Так рассказал Кнопка и попросил три рубля.

Пришлось дать.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Товарищи редакция!

Мой сосед Гайка собирается писать вам о том, что я будто бы под пасху бил свою тещу. Но вы, товарищи, не верьте этому, потому что это — неправда. Я вам сейчас расскажу все по порядку. Привожу факты.

Товарищи редакция!

Моя теща Марфа Петровна Дудчиха — наиконтрреволюционнейший элемент во всем Советском Союзе.

Это один факт.

Жена моя Марина поддерживает ее.

Это второй факт.

Дети мои — Колька, Гришка и Манька — за ними идут.

Это третий факт.

Я неоднократно заявлял теще:

— Вы, Марфа Петровна, бросьте свою религиозную агитацию. Я определенно знаю, что

бога нет, земля вертится, а солнце стоит на месте.

А она мне:

— Это дьявольские разговоры!

А жена за ней.

А дети за ними.

— Ну, говорю, если так, я отмежевываюсь от вас и выделяю для вас особую территорию. Вот это — моя стена, это — ваша. Здесь я вешаю портреты вождей, а вы там вешайте свою божественную шатию. И не смейте, говорю, совать свой религиозный нос на мою советскую территорию.

Размежевались.

На моей территории — Ленин и Шевченко, а у них — спаситель, матерь божия и Николай-чудотворец.

Они на своей религиозной территории ладаном кадят и поклоны бьют.

А я на своей, советской, папиросами попыхиваю и напеваю «Интернационал».

Товарищи редакция!

То, о чем собирается написать вам Гайка, случилось под пасху.

Это правильно.

Против этого я не возражаю.

Пошел я в клуб.

И как я мог не пойти, когда я определенно знаю, что бога нет, земля вертится, а солнце стоит на месте.

Вернулся домой далеко за полночь.

Перешагнул порог — и замер.

Товарищи редакция!

Мне даже и сейчас еще трудно об этом говорить.

Раз я определенно знаю, что бога нет, земля вертится, а солнце стоит на месте, так почему же на моей советской территории свечки горят?

Восковые свечки!

И крест на столе нарисован!

Товарищи редакция!

Может быть я немного погорячился, тогда извините, но иначе поступить я не мог.

Я схватил тещу за руки и швырнул ее прочь с моей советской территории, а вслед за ней полетели и свечки.

— Не смей, говорю, старая кочерга, сюда лазить, а то я тебя прикончу!

А жена ко мне:

— Ты с ума сошел! Завтра же светлое христово воскресение!

А я ей:

— Убирайся, — говорю, — ко всем чертям! Я определенно знаю, что бога нет, земля вертится, а солнце стоит на месте. А вы, говорю, лезете.

Теща плачет, жена канючит, дети пищат, собака воет.

А тут сосед через порог, этот самый Гайка, который собирается обо мне писать.

— Христос, говорит, воскресе!

Товарищи редакция!

Ну, скажите пожалуйста, ну, мог я это перенести?

Как хотите, я не выдержал.

Я схватил Гайку поперек и открыл его головой дверь в сени:

— Вот тебе, говорю, воистину воскресе!

И дверь на запор.

Вот и все.

А у Гайки вскочила шишка на носу.

Ну, конечно, он обозлился и хочет раздуть мое дело во всеукраинском масштабе.

Но я во всемирном масштабе заявляю перед трудящимися всех стран:

Бога нет.

Земля вертится.

А солнце стоит на месте.

Точка.

Иван Безбожник.

А прежнее мое имя: Иван Буботенко.

РОМАН С ПАРТИЙКОЙ

На-днях я был необыкновенно взволнован такой газетной заметкой:

«В доме 20, по Тарабановской улице, отравился нашатырным спиртом конторщик Бубнотреста гр. Пиндик. Врач скорой помощи спас Пиндика. Причина самоубийства — безнадежная любовь».

Прочитав эту заметку, я задрожал от злости.

Разве не жулик этот конторщик Пиндик? Позавчера одолжил у меня сто рублей, а вчера стал травиться! Вот так приятель. Вот так член профсоюза, да еще кандидат в члены месткома.

Я схватил кепку, выбежал на улицу, прыгнул в пролетку «ваньки» и крикнул:

Тарабановская, 20!

Еду и думаю:

— Вот негодяй! Я его всегда поддерживаю, я его кандидатуру выдвигаю, я ему деньги одал-

живаю, а он мне подкладывает такую свинью. Ну, голубчик, дай только добраться до тебя, я с тобой по-своему поговорю, церемониться не стану.

Конторщика Пиндика я застал в постели. Он лежал на спине и смотрел в потолок. Увидел меня, усмехнулся и рукой показал на стул.

А я и передышки ему не дал, сразу принялся отчитывать.

— Мещанская, говорю, твоя душа! Отравляться вздумал. Холеры на тебя нет. Собаки с жиру бесятся, а ты с чего? Беспринципное ты существо. Ничего лучше не мог придумать, пустопорожняя твоя голова. И если уж решил лезть в петлю, так лезь. Но зачем же тогда у приятеля деньги занимать?

Пиндик перебил меня.

— Ты, говорит, о деньгах не беспокойся: деньги я тебе верну до копейки.

Эти слова меня, как кипятком ошпарили.

— Отлично сказано! «Верну»! А если бы тебя, этакое беспринципное создание, черти взяли бы, если бы тебя доктор не спас? Кто заплатил бы мне? На тот свет, что ли, отправиться искать тебя?

Пиндик опять перебил меня:

— Не волнуйся, деньги для тебя лежали в конверте. Вот они.

Он достал из-под подушки конверт и протянул мне.

Я прочитал:

«Прошу передать А. Ф. Горгюленке, Канталуповская, 35, кв. 8».

Разорвал конверт, — там лежали мои десять червонцев, даже не очень помятые. Спрятал в карман. Отлегло от сердца. Поглядел на Пиндика и жаль его стало. Все-таки, думаю, порядочный человек этот Пиндик: травиться — травился, а обо мне не забыл.

И заговорил я с Пиндиком, и так нежно заговорил, что сам удивился.

— Дорогой, говорю, Ванюша! И что ты такое выдумал? Неужели так трудно тебе пришлось, что жизнь захотел сократить?

Пиндик вздохнул, потер рукою лоб и сказал:

— Сядь поближе, я громко не могу говорить. Все тебе расскажу.

И рассказал мне Иван Трофимыч Пиндик о своем романическом приключении.

— Что касается романов, так я давным-давно спец. Встречусь я с какой-нибудь девушкой или дамочкой, познакомлюсь, подойду этак по-чемберленовски — готово. По три сразу крутил. В шесть — у меня свидание с продавщицей Катей, в восемь — с конторщицей Маней, а в десять — с машинисткой Таней. Но в конце-концов надоела мне эта беспартийная масса. Что это, думаю себе, за такая пустая любовь: без всякой тебе идеологии, без малейшей перспективы. Сам беспартийный и она беспартийная

и дети будут беспартийные. Так это-ж, можно сказать, ерунда. Поищу я себе партийного объекта любви, человека, который мог бы стать твердой базой для будущего. Да и вообще интересно узнать, как партийные люди влюбляются, какой подход у них к этому делу, какая установка. На мое счастье поселилась в нашем доме, в 16 квартире, новая жиличка. Такая, знаешь, кругленькая, как капустка, носик кнопкой, глаза пуговками, с портфелем подмышкой.

— Это что за птичка? — спрашиваю у Алены Свиридовны, хозяйки кв. 16.

— Это, — говорит она, — моя жиличка. Зовут ее Сопелка. Работает в Парткоме.

— Так она, должно быть, партийная?

— А как же, — отвечает Алена Свиридовна, — настоящая партийка. С портфелем ходит, на иконы и не смотрит.

— Эге, — думаю я, — вот оно где счастье-то.

И давай приглядываться к этой Сопелочке. Слежу за ней, когда она проходит по двору, анализирую ее повадки и делаю соответственные выводы. А она, брат, такой кочанчик, что от одного ее взгляда голова кругом идет. Бежит через двор, ножками туп-туп, а кнопочку кверху и пуговками постреливает.

А я смотрю и думаю:

— Ах, ты, партиечка моя дорогая! Как же мне подкатиться к тебе? Как подойти?

Подать ли тебе заявление, или анкету заполнить, или как там у вас, у партийцев, любовные дела завязываются?

А она придет с работы, откроет окно, сядет за книжки и просидит до поздней ночи.

А я тоже — за политграмоту, да за политэкономию. Сяду у самого окна и читаю вслух. Или встану, начну ходить взад и вперед у окна и пою революционные песни.

— Знай, мол, с кем дело имеешь.

Если соберутся бабы и начнут болтать, я кричу как можно громче:

— Перестаньте, гусыни вы этакие! Повылазило у вас, что ли? Не видите—человек работает! — А глазами на окно показываю. — Вам все равно, что человек может быть день и ночь решает государственные и партийные дела. Из-за вас, беспартийных сорок, партийный человек хоть беги со двора.

Отчитаю я баб они и утихнут. Страшно все-таки, боятся партийного человека. А партийка смотрит на меня и усмехается. А мне только того и надо.

— Попало в цель!

— Клюнуло, — думаю, — чтоб я лопнул, клюнуло.

— Ах, партиечка моя дорогая! Позволь мне,— думаю, — приблизиться к тебе, сесть возле тебя и склонить свою беспартийную голову на твое

партийное плечо и послушать, как бьется твое партийное сердце.

Хорошо я тогда себя чувствовал. Ах, хорошо!

И так сильно я ее полюбил, что для нее прошел всю политэкономию, всю политграмоту и половину исторического материализма.

Дела на фронте моей любви, очевидно, развивались бы успешно и дальше, если бы не один несчастный случай.

Живет в нашем доме Кандериха. Яйца на базаре продает. Сумасшедшая баба. Недавно у фининспектора все пуговицы оборвала.

У этой Кандерихи есть сынок, мальчишка лет двенадцати. Жулик, каких мало.

А еще живет тут какой-то придурковатый полковник прежних лет.

Носится все с медалью «за храбрость» на георгиевской ленте.

Кандеришин сын возьми да и сцапай эту медаль. Привязал ее георгиевской лентой к кошачьему хвосту и пустил во двор. И наделал же шума!

Кот мчит галопом по двору. На хвосте медаль за храбрость болтается. За котом — полковник с толстой палкой в руках, за полковником—Кандериха со скалкой, целится в его лысину. А за ними я и кричу:

— В два счета перестать тут контрреволюцию разводить! А то сейчас же в район!

А Кандериха, как подскочит ко мне, да кукиш мне под самый нос:

— Вот тебе, — говорит, — район!

Я глянул на окно — партийка все видит. Упала головой на подоконник и захлебывается от смеха.

Заклокотало у меня сердце, как Везувий. Конторщик Бубнотреста, кандидат в местком — и такая обида!

— Ах, ты, проклятая спекулянтка!

Схватил за ноги кота и кинул в Кандериху.

Кот сделал в воздухе мертвую петлю, да к Кандерихе пониже шеи, уцепился за декольте.

Кандериха как закричит:

— Караул! Спасите! Спасите, кто в бога верует!

А полковник бьет палкой кота у Кандерихи на груди и тоже:

— Караул!

Народу сбежалось — со всего квартала.

Милиционеры прибежали, составили протокол, весь двор в свидетели записали.

А я говорю милиционерам:

— Если так, запишите, товарищи милиционеры, и партийного человека в свидетели, потому что этому беспартийному стаду я не верю.

Записали и Сопелку.

— Ну, думаю себе, Кандериха, закройся. Партийному человеку довольно на суде одно

слово сказать и тебя посадят. Довольно вам с полковником контрреволюцию разводить.

С тех пор я еще сильнее полюбил партийку. Ждал суда. Вот уж когда я познакомлюсь с Сопелочкой!

Настал день суда. Вызвали весь наш дом. Иду и я. Смотрю — партиечка уж тут. Пришла, думаю, чтобы выгородить своего милого защитника.

Судья спрашивает меня:

— Подсудимый Пиндик, признаете вы себя виновным?

— Нет, — говорю, — товарищ судья, ни на копейку. Я не могу допустить, чтобы беспартийная свора...

Судья остановил меня:

— Извините, — говорит, — подсудимый Пиндик. На суде нет партийных, ни беспартийных, а есть граждане Советской Республики.

А я продолжаю:

— Чтобы она, эта беспартийная свора, мешала партийным людям проводить свою работу. Люди день и ночь ломают голову над социализмом, а они...

Судья опять:

— Значит, вы виновным себя не признаете?

— Ни в каком случае. Если вы мне не верите, спросите члена партии товарища Сопелку.

И сел.

Вот, думаю, она утрет вам нос. Она расскажет вам, за кого стоит Пиндик, и как он порядок охраняет.

Дошла очередь до нее. Судья вызывает:

— Что вы знаете по этому делу, гражданка Сопелка?

Встала моя партиечка, поправила гребешок в волосах и говорит:

— Во-первых, я не знаю, откуда взял гражданин Пиндик, что я — партийная. Это даже неудобно. Я в партии никогда не была. Я только работаю в Парткоме, я — машинистка.

Я чуть со стула не свалился.

— Вот тебе, думаю, номер!

А Сопелка дальше:

— Теперь о поведении гражданина Пиндика. Это самый невозможный человек. Он всюду сует свой нос. Он терроризует все население нашего дома. Я сама чуть не съехала с квартиры из-за него. Это не человек, а кошмар.

Я — кошмар?

Дальше я не смог слушать.

Я вскочил с места, стиснул кулаки, заскрежетал зубами, крикнул:

— Все, все вы — беспартийная свора!

И, не помня себя, выбежал из суда. То, что было дальше, — не интересно, — закончил Пиндик и попросил у меня папиросу.

РАДИО-ИНВАЛИДЫ

Если вам, уважаемые читатели, попадутся на улицах Харькова двуногие на костылях и с кривыми носами, знайте, что это—я и хозяйка нашего дома, первые в мире радио-инвалиды.

Вы, должно быть, таращите ваши читательские очи, удивляетесь и спрашиваете, почему до сих пор об этом нигде не упоминалось ни одним словом?

Что-ж, я не меньше вас удивлен этим обстоятельством.

Почему столичные газеты не присылают ко мне корреспондента, чтобы взять интервью? Почему мою физиономию не помещают в иллюстрированных журналах? Почему не назначают мне пенсию, как первому радио-инвалиду? Почему?

Как увижу бывало, — это еще, когда я без костылей ходил, — как увижу бывало антенны,

которые торчат на крышах домов, так просто на свете бы не жил. Антенны, антенны и антенны. Везде антенны. Везде люди слушают Харьков, Москву, Европу.

А ты живешь без радио, как твой покойный дед, который ездил на волах в Крым за солью.

Вот в соседнем доме приказчик Килограменко лежит, извините за выражение, раком на кровати и, надев наушники, слушает настоящую немецкую оперу.

Ария Мефистофеля так и прет прямо из Берлина в комнату Килограменки.

А я сижу с балалайкой в руках и на одной струне телеленькаю:

В огороде чепуха
Варила варенье,
Муха съела петуха
В это воскресенье.

— Ой-ой-ой! Какая громадная дистанция между классическим Фаустом и этой оперой «Свиньи в жите». Между Килограменкой и мной.

А мне хочется, чтобы и я так же лежал, надев наушники, и слушал, как где-то, за тысячи верст, по струнам:

— Брынь, брынь, брынь...

За тысячу верст! Эх, и чудеса же!

И это только цветочки, а ягодки впереди.

Скоро будет так: лежит себе в комнате на Заиковской улице какой-нибудь Оригинал

Оригиналович и вдруг слышит, что у берегов Неаполитанского залива кто-то полощется.

Оригинал Оригиналович надевает радиоочки, смотрит в Неаполь и видит, что купаются прелестные итальяночки.

Он не может удержаться, чтобы не схватить трубку радиопередатчика и не крикнуть:

— Ахи!

А итальяночка по радио:

— Почем бухи?

А он ей:

— Руб с копою!

А она ему:

— Чорт с тобою!

Может быть какие-нибудь другие диалоги произойдут между ними, может быть они обменяются радио-поцелуями — все может быть.

Я так, к примеру говорю.

Но почему же, уважаемые читатели, я не мог слушать по радио Харьков, Москву и Европу? Если вы думаете, что я лишен барабанных перепонок, вы сильно ошибаетесь. Дело было не в моих барабанных перепонках, а в хозяйке дома, котрая категорически заявила:

— На крышу моего дома вы попадете с антенной только через мой труп.

Вот где пуп контррадиофикации.

Вот почему я бренькаю на одноструннoй балалайке.

Двенадцатого июля 1926 года, в 9 часов утра, я тихонечко постучался в хозяйкину дверь, чтобы еще раз — и уже в последний — поговорить с ней о радиопроводке.

— Войдите! — ответила хозяйка.

Я вошел, поздоровался, сел и повел радиополитику.

— Знаете, Катерина Микитовна, какие радиочудеса бывают на свете. В Америке, например, ни одна хозяйка не ходит на базар за продуктами. Лежит себе в постели, отсыпается. Уже солнце высоко, а она все лежит. А потом потянется, зевнет, возьмет трубку и:

— Алло! Склад битой птицы? Прошу мне дюжину куриных пупков.

— Алло! Овощная лавка? Прошу мне три пучка петрушки.

— Алло! Мясная? Прошу мне свинячьего уха для заливного.

Вот так она поаллокает, поаллокает, а через десять минут все продукты доставлены.

Вот какие чудеса радио вытворяет!

Хозяйка зевнула во весь рот, перекрестилась да и говорит:

— Так-то оно так, только в мачту эту может гром бабахнуть. Может взорвать дом до фундамента.

А я возьми и отпали ей:

— Это все бабские выдумки. Сон рябой кобылы.

Она как позеленеет, да как крикнет:

— Не будет этого! Разве через мой труп!

А я кулаком об стол:

— Ну, говорю, если на то пошло, я кровь свою пролью, а радио проведу. Довольно я страдал без радио.

Выбежал из комнаты и на извозчике поехал за радио-аппаратурой.

Уважаемые читатели! Случалось ли кому-нибудь из вас делать радио-проводку в двенадцать часов ночи? Прокрадывались ли вы на ципочках мимо окон вашей хозяйки? Лазил ли кто из вас поздней ночью на хозяйскую крышу? Если еще не случалось, постарайтесь, чтобы и дальше не случилось, потому что будете ходить с кривым носом и на костылях.

Ночь июльская была тиха. И если бы я был, к примеру, Александром Сергеевичем Пушкиным, я сказал бы про эту ночь:

— Тиха украинская ночь... и т. д.

Но раз я не Александр и не Сергеевич и не Пушкин, а радио-любитель, так не требуйте от меня, уважаемые читатели, описания этой ночи, а позвольте мне взяться за работу.

Посреди ночи, ровно в двенадцать часов, я не вышел, а вылез из своей комнаты, нашел

лестницу, приставил ее к стене и, взяв на плечи мачту, поволок ее на крышу. Моей радио-работе никто не мешал, если не считать кошачьего концерта на соседней крыше. Там верещало необыкновенно высокое сопрано и баритонил на весь квартал кот.

А я крепил антенну и рисовал себе радио-картины будущего.

— Наступит час, думал я, когда вымрут все до одной Катерины Микитовны, а радио воцарится во всех уголках земли.

Будет сидеть мой правнук у себя дома и глядеть, как пасутся дикие козы в Карпатах или по берегам северных морей гуляют белые медведи.

Так думаю, да думаю, вдруг вижу: на самом верху мачты повисла веревочка. Надо ее оттуда снять.

Если-б знать, где упадешь, говорит пословица, подостлал бы подушку.

Если бы я знал, что эта отвратительная контррадиофикаторка, хозяйка моя, не спит, я втащил бы лестницу на крышу вслед за собой. Но ведь я этого не знал.

И когда я, сидя на верхушке мачты, распутывал веревочку, мачта закачалась и накренилась.

Смотрю вниз и вижу: моя уважаемая хозяйка стоит на коленях в одной рубашке, без бюстгальтера и топором подрубает мачту.

— Катерина Мик...

Я не договорил и бухнул вместе с мачтой на крышу.

Когда я катился по крыше, я нечаянно ухватил Катерину Микитовну за подол рубашки и мы оба покатились клубком на землю.

Обоих нас отвезли в больницу, вместе лечили и вместе выписали.

Вместе ходили мы в Собес.

— Помогите радио-инвалидам!

— Идите в радиобес, — отвечали нам.

Искали, искали — не нашли.

— Знаете что, — предложила Катерина, — если так, поженимся, что ли?

Поглядел я на ее нос, потом на свой — и согласился. Лучшей все равно не найти мне теперь.

Поженились.

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

1. От редакции 3
2. Лопанские раки 4
3. Союзный человек 9
4. Трагедия поэта Кнопки 16
5. Письмо в редакцию 20
6. Роман с партийкой 24
7. Радио-инвалиды 33

Л
2-50
00813638

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА

БЕГЕМОТ

В 1927 г. ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

№ 34. **М. Зощенко.** Мещанский уклон.
№ 35. **О. Генри.** Крошечные рассказы.
№ 36 **М. Козырев.** Необыкновенные истории.
№ 37. **И. Свэн.** Приключения самоеда.
№ 38. **В. Джекобс.** В павлиньих перьях.
№ 39. **В. Князев.** Глупая лирика.
№ 40. **М. Фьевр.** Рассказы.
№ 41. **В. Черний.** Срочная любовь.
№ 42. **Л. Раковский.** Свадьба.
№ 43 **Ками.** Охотники и моряки.
№ 44. **Исидор Гуревич.** Гримасы быта.
№ 45. **Г. Шмитц** Мещанские трагикомедии.
№ 46. **М. Глясс.** Сами понимаете.
№ 47. **М. Зощенко.** Социальная грусть.
№ 48. **М. Ковальский.** Негатив.
№ 49. **А. д'Ахтиль.** Никаких настроений.
№ 50. **Ег. Ломакин.** Глаз с крючком.
№ 51. **Л. Брандовский.** Мой зверинец.
№ 52. **Скиталец - Яковлев.** Сто тысяч.
№ 53 **П. Уодгауз.** Рассказы.
№ 54 **А. Ракитников.** Уездные рассказы.
№ 55 **Н. Тэффи** На чужбине
№ 56. **К. Мазовский.** Жуть.
№ 57. **Остап Вишня.** Украинский юмор.
№ 58. **Г. Штурм** Сорок четыре скелета.
№ 59. **Д. Цензор.** Мои соседи.
№ 60. **М. Кибер.** Легкие повреждения.
№ 61. **Р. Волженин.** Бешеная собака.
№ 62. **Исакроф.** Господа писатели.
№ 63 **А. Нератов.** Поцелуй.
№ 64. **Антоша Ко.** Лоханские раки.

Цена отдельного выпуска 10 коп.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

Еженедельн. библиотека вместе с журналом „БЕГЕМОТ"

На 1 мес. . . . . — р. 95 к. || На 6 мес. . . . . 5 р. 35 к
„ 3 „ . . . . . 2 „ 75 „ || „ 12 „ . . . . . 10 „ — „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

В ЛЕНИНГРАДЕ — в Гл. Конторе „КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ", ФОНТАНКА, 57. В отделениях Гл. Конторы — ПРОСПЕКТ 25 ОКТЯБРЯ, д. 1 и 68, и во всех почтовых конторах СССР.